
ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ДОГМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Ракитянский Н. М.*

В статье представлен концептуальный анализ догматического принципа, показано его методологическое значение как для политико-психологических, так и для гуманитарных исследований в целом. Автор рассматривает эволюцию понятия догмы (догмата) в историческом, правовом, философском, политологическом и теологическом аспектах. Сформулирован тезис о догмах как доминантной контекстуальной системе и как основании для формирования парадигм политического мышления. В работе обсуждаются закон контекста, его психологическое содержание, механизмы и функции, а также его связь с догматическим принципом. Сделан вывод о том, что догмы обладают интегративным свойством, являются фактором социализации, формируют системную модель мира в сознании масс людей. Автор отмечает, что переход от догматического мышления к диалектическому осуществляется посредством рефлексии как процесса осознаваемой психической активности. Высказано мнение о том, что догматическое мышление обусловлено объективными законами субъективного мира.

Ключевые слова: догматический принцип, догматическое мышление, догма, догмат, диалектическое мышление, закон контекста, контекстуализация, деконтекстуализация, рефлексия.

The article proposes a conceptual analysis of the dogmatic principle and also shows its methodological significance for political and psychological, and humanitarian research in general. The author examines the evolution of the concept of dogma in historical, legal, philosophical, theological and political aspects. He also formulates the idea of dogmas as a dominant contextual system and as the basis for the formation of the basic paradigms of political thinking. This article discusses the law of context, its psychological content and functions, as well as the link of the concept with a dogmatic principle. It is concluded that dogmas have an integrative property; they are a factor of socialization and form a systemic model of the world in mass consciousness. The transition from dogmatic to dialectical thinking occurs via reflection as a process of conscious mental activity. The author suggests that dogmatic thinking contains the objective laws of the subjective world.

Keywords: dogmatic principle, dogmatic thinking, dogma, dialectical thinking, law of context, contextualization, decontextualization, reflection.

* Ракитянский Николай Митрофанович – д. психол. н., профессор МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: drkayros@yandex.ru.

В век глобализации фундаментальные ценностные ориентации политических масс, как и прежде, определяются монотеистическими системами исповедания: восточным христианством, западным христианством, исламом и первой из них — иудаизмом. Собственно, эти конфессии и определяли столетиями архитектуру глобального человечества. Они представляют собой ключевые доминанты онтологического и психологического ареала мирового сообщества как единой планетарной метасистемы. Кроме того, каждая из них определяет фундаментальные различия культурно-цивилизационных систем [Чумаков 2019: 91–94]. Все они, опираясь на догматический фундамент, в течение длительного исторического периода составляли основу мировоззрения, истоки жизненной позиции и философию существования, определяли базовые установки мышления людей, живущих в пространстве монотеизма и за его пределами.

Догматы прямо или косвенно детерминируют природу и специфику политической власти нации, ее экономический уклад, устройство права, нравственность, духовность и саму судьбу цивилизаций и государств. Современная политика по сей день осуществляется в контексте тысячелетней религиозной практики и является ее следствием и результатом. Но в наше время те или иные монотеистические доктрины в результате апостасийных процессов и секулярной подмены подвергаются трансформации, результаты которой находят выражение в экспансии разного рода политических идеологий [Задорожнюк 2008]. Эти и иные обстоятельства и проблемы побуждают нас к постановке и обсуждению следующих вопросов.

Догматический принцип: подход к проблеме

Со времен европейского Просвещения к словам «догма», «догмат» и «догматика» сложилось довольно негативное отношение ввиду их неразрывной связи с теологией монотеизма, и примерно с этого же исторического момента начался процесс секуляризации этих концептов [Просвещение...]. По мнению британского политического философа Д. Грея, мы и до сих пор «живем среди неразобраных руин проекта Просвещения, который был главным предприятием Современности» [Грей 2003: 280].

В Античности у термина «догма» было социально-юридическое значение, исторически предшествовавшее его философскому смыслу, в пространстве которого догмы со временем стали выполнять роль основополагающих метафизических утверждений, и на них, в свою очередь, строились аксиология, нравственные, социальные, эстетические, политические и другие учения [Кырлежев 2010: 680–681].

В русском языке используются две формы этого концепта: форма, образованная от именительного падежа, — собственно «догма», и форма, образованная от родительного падежа, — «догмат», которые семантически равнозначны. Первая редакция чаще находит применение в научной литературе, а вторая использовалась в дореволюционных источниках, и в настоящее время к ней обращаются, когда говорят о религиозных догмах [Канаков 2016: 90–103].

Догма является объемным понятием, и в гносеологическом плане оно соотносится с такими категориями, как *допущение* в научном поиске, *парадигма* в философии, *аксиома* в математике, *постулаты* в физике, *доктрины* в идеологии и политике. Здесь вполне уместно вспомнить о догматизме законов И. Ньютона, И. Кеплера, Д. И. Менделеева, Н. Бора и других выдающихся ученых, признавая,

что догматизм есть составная часть большинства наук, где под догмой понимается система базовых постулатов учения или научного направления.

Между тем не только политика, международная дипломатия, идеология, но и правовые системы, выступая регуляторами поведения людей, также строятся на догматических основаниях [Антанович 2006: 332–337]. Право в своих нормах закрепляет политический строй общества, механизм функционирования государства, регламентирует политические отношения, регулирует деятельность субъектов политической системы и пр. Так, благодаря разработкам догматической традиции право состоялось как фундаментальный социальный институт, положенный в основу устройства современных цивилизаций [Михайлов 2012]. Без правовой догматики недостижимо согласие в правовых понятиях и невозможна нормотворческая, правоприменительная деятельность [Арановский 2003: 23].

В широком смысле наше мировосприятие предполагает приобретение знаний догматически, то есть априорно (аподиктически), в готовом виде, на веру, и это знание не требует каких-либо аргументов и доказательств, формируя тем самым догматическое мышление [Пуйман 1999: 63]. К примеру, Г. В. Ф. Гегель в «Феноменологии духа» соотносил догматический способ мышления с непосредственным знанием [Гегель 1992: 21].

Мир современного человека, как и прежде, в известной мере строится на получаемой им информации, и он, даже не выходя за порог, может оказаться практически где угодно. Но при этом он привычно соглашается с тем, что будет смотреть на мир чужими глазами – догматически. Профессор В. А. Кутырев по этому поводу заметил, что иметь по всем вопросам свое мнение – задача непосильная. Приходится верить [Кутырев 2006: 220].

Как видим, догма выполняет важные познавательные функции, на что в свое время указывал К. Г. Юнг. При этом он считал, что религиозные догматы выполняют не только психологическую, но и насущную психотерапевтическую роль. По его словам, они предохраняют человека от непосредственного соприкосновения с огромной психической энергией, закрепленной в истории психического развития в идее божественного, и адаптируют образы коллективного бессознательного, рационализируя их в форме абстракций [Юнг 1991: 160–162].

Осознание этой логики познания, которая дается далеко не всем, требует от человека рефлексивного усилия, направленного на понимание и усвоение отмеченного догмой пространства знания. Собственно, рефлексия, будучи механизмом осознаваемой психической активности, и определяет фазовый переход от *догматического* мышления к *диалектическому*. Поэтому мы можем говорить о том, что догматическое мышление, будучи многомерным феноменом нашего субъективного мира, – не колючая проволока, запрещающая выходить за очерченные пределы. Это, скорее, дверь, через которую можно войти в просторы, обычно недостижимые и часто не замечаемые [Остапенко 2009]. Осознание, понимание и преодоление догм опосредствуются рефлексивными процессами, в результате чего мы актуализируем свой субъектный ресурс [Гребеникова 2013], реализуем креативный потенциал, выходим за пределы самого себя и преобразуем то, что нам дано догматическим восприятием мира [Леонтьев 2010].

В обществах монотеистической культуры, когда человек в процессе своего взросления из «естественного индивида» [Ананьев 2000: 5, 16, 51–61] становится

социальным субъектом, у него априорно формируются догматически детерминированные установки мышления в контексте той культурно-цивилизационной системы, к которой он принадлежит [Ракитянский 2013б]. Как видим, строй догматического мышления объективно становится фактором социализации. Он обладает интегративным свойством, формирует целостную модель мира в сознании масс людей. Другими словами, каждый человек сизмала получает знание об основах устройства жизни, которое в своей сущности и есть вера; и эти две сферы – знание и вера – не только не разъединимы, но даже и не различимы [Лосев 2008: 152–159].

Тем не менее мы привычно воспринимаем суждения о догматах как о некоей архаичной и нелепой системе религиозного сознания, которая будто бы состоит из ограничений и запретов, «мешает свободному развитию» личности, ее «творческой самореализации», «ограничивает» креативное мышление и прочее [Герасимов 2008]. Именно это восприятие по своей сути также является догматичным. Но при этом одно слово – догма – вызывает у нас реакцию как минимум в форме настороженности или раздражения. Однако наше понимание догмата как некоего запрета, наложенного на мысль, неверно в том отношении, что догмат никогда не затрагивает и не определяет те дела и заботы, которые находятся в сфере повседневной жизни.

Как видим, весьма актуальным аспектом в понимании догм является то обстоятельство, что догматичность мышления для большинства людей является *неосознаваемой* и потому практически невидимой, так же как давление атмосферного столба или закон всемирного тяготения.

Закон контекста

В чем причина этой неосознанности? Мы уясняем не только конкретные факты, стимулы и ситуации, но и общий контекст как нечто неизменное для различных событий. Однако как раз этот привычный контекст довольно быстро выбывает из нашего сознания [Аллахвердов 2000: 364]. Мы можем назвать этот процесс *контекстуализацией*. Обратное происходит, когда информация меняется либо субъективно, либо объективно. Тогда контекст вновь обнаруживается, он снова осмысливается, и в таком случае речь идет о том, что он *деконтекстуализируется* [Баарс 2020]. В этом плане, следуя за У. Джеймсом [Джеймс], мы можем говорить о законе контекста, в соответствии с которым стабильные, неизменные компоненты внутреннего и внешнего мира уходят из нашего сознания [Аллахвердов 2000: 380].

Так, в повседневной жизни мы обычно не задумываемся, например, об уникальности своей личности или самобытности собственной биографии – все наши особенности выступают по отношению к большинству актуальных проблем как неизменный контекст. При этом мы можем интерпретировать свое «Я» как сложную контекстуальную организацию – как устойчивый, инвариантный и при этом доминантный контекст, который мы не осознаем. Но, подобно любому контексту, «Я» имеет аспекты, которые могут быть деконтекстуализированы и пережиты как объекты сознания. Эти превращенные в объекты сознания аспекты «Я» могут затем использоваться для построения психологической модели самого себя.

Или, например, осмысление тех или иных обыденных событий не предполагает ни одновременного осознания языка, которым мы пользуемся, ни названия города, в котором они произошли, ни времени года. Все это составляет тот устойчивый, неизменный фон, который не осознается до тех пор, пока к этому контек-

сту не будет привлечено осознанное внимание. То есть получить сознательный доступ к контекстам можно через их деконтекстуализацию, или, говоря другими словами, путем рефлексивного опосредствования [Карпов 2004: 9]. По мнению профессора Б. Баарса, контекст в известном смысле состоит из того, к чему мы уже адаптировались, и он служит той основой, относительно которой выявляется, определяется и осознается новая информация.

Человек как социальное существо объективно контекстуален – он всегда включен в многомерную среду. Он существует в природном, антропологическом, культурно-цивилизационном, ментальном, политическом и, наконец, духовном пространстве. В психологическом плане он неразрывно связан с этими пространствами и, наконец, в определенной мере имплицитно или эксплицитно включает в себя эти пространства [Леонтьев 2010: 131–132]. Иначе говоря, все мы живем в тех и иных контекстах, однако все возможные контексты нельзя ни зафиксировать, ни перечислить [Аллахвердов 2000: 431]. Контекст – это как раз то, что всегда наглядно, привычно и не осознаваемо, поскольку люди не обращают внимания на то, что исходно представляется им очевидным. Но контекстуальная система может быть *деконтекстуализирована* нами посредством рефлексивного усилия, чтобы снова стать частью сознательного опыта.

Как видим, контекстуальные ограничения при их осознании становятся деконтекстуализированными, но дело это чрезвычайно трудное. Вместе с тем усомниться в адекватности контекста или сделать его предметом рефлексивного усилия – это отнюдь не безнадежный труд. Так, теория относительности А. Эйнштейна деконтекстуализировала постулаты И. Ньютона о пространстве и времени, а создатели квантовой механики сделали то же самое с допущениями А. Эйнштейна о детерминизме. Однако деконтекстуализировать чьи-то постулаты не каждому по силам [Баарс 2020].

Таким образом, догмы, в контексте которых мы живем с рождения, привычно воспринимаются нами как инвариантные, неизменные структуры, как истины *a priori*. Они не требуют фиксации внимания и не вызывают у нас каких-либо вопросов. Это обусловлено тем психологическим обстоятельством, что априорно усвоенные образы, представления, понятия, ценности, самоочевидные истины и догмы по закону контекста У. Джеймса переходят в базовое содержание сознания и... перестают осознаваться [Аллахвердов 2000: 386]. Поэтому человеку, находящемуся в контексте того или иного менталитета, чрезвычайно сложно увидеть и понять, в чем именно состоит его догматическая обусловленность. И мы со всем этим живем, мечтаем и говорим о свободе, демократии, возможности независимого выбора, субъектности...

Проблема взаимодействия с контекстами как аспект догматического мышления находится за пределами внимания политологов, политических психологов и представителей других наук о человеке и обществе. Может быть, потому что они сами испытывают сложности деконтекстуализации того пространства, в котором живут и работают. Так, если, например, набрать в поисковой строке словосочетание «политический контекст», то содержательной трактовки мы в результате поиска не найдем.

Между тем каждая культурно-цивилизационная система в течение исторического времени создает свои доминантные политические и иные контексты, кото-

рые мы не осознаем и не изучаем. И здесь нельзя не согласиться с профессором А. И. Юрьевым в том, что все коммерческое и политическое давление на поведение масс целиком строится на законах и механизмах бессознательного [Юрьев 2006: 22], где закон контекста занимает не последнее место.

Догмы как доминантная контекстуальная система

Совокупность догматов того или иного монотеизма или же доминирующей атеистической идеологии, которая также есть догмат [Лосев 2008: 156], является основанием для формирования ментальных матриц, и они уже как унифицированные коды объединяют массы людей, которые длительное время живут в контексте преобладающего априорного знания, словно в своеобразной гравитационной системе, недоступной для непосредственного восприятия. При этом ментальная матрица выступает в качестве доминантной программы организации мышления, в русле которого этнос или народ развивает и реализует самобытные социокультурные, экономические и политические практики [Ракитянский 2013а: 55–81].

Что касается религиозных догматов, то мало кто сейчас знает, что говорят они только о Боге. Так, в христианстве, самой догматической религии мира, не существует догматов, которые регламентируют повседневное поведение человека или предписывают то, какими должны быть культура, право, наука, экономика или политический строй. Чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с «Символом веры»¹. Он содержит краткое и точное догматическое изложение сущности христианского вероучения и является официально признанной словесной формулой, которая структурирована двенадцатью частями (членами) [Петр (Люблин), Лосский 2008]. По объему «Символ веры» уместается на одной странице текста [Закон... 1998]. Каждый человек, осознанно и ответственно принявший христианство, эти положения знает, принимает и исповедует независимо от своих частных мнений и переживаний, причисляя себя к составу Церкви.

Христианство по своей догматической сути, как и любой монотеизм, теоцентрично, оно не допускает произвольного истолкования своих догматов. В других монотеистических религиях нет такого краткого и точного символа веры – *ортодоксии*, но есть развернутый свод обязательных нормативных действий, правил, ритуалов и обрядов – *ортопраксия*.

Для большинства религий характерен акцент на ортопраксии как на дисциплине внешнего религиозного поведения. Так, мусульманин в первую очередь должен соблюдать законы шариата. Иудею надлежит следовать предписаниям своего Закона в толковании мудрецов и раввинов. В иудаизме, например, представление о Боге и о других предметах веры в конкретной и четко структурированной словесной формуле не выражены, и последователь иудаизма может верить, как хочет. Но вместе с тем его поведение в практической жизни жестко регламентировано множеством правил.

Христианское догматическое богословие как религиозная наука следует за важнейшими и всеобщими необходимыми положениями Божественного Открове-

¹ Никео-Цареградский Символ веры, Константинопольский Символ веры – строгая догматическая формула христианского вероисповедания, введенная на Втором Вселенском соборе в 381 г., утвержденная на Четвертом Вселенском соборе в 451 г. как полное раскрытие учения о Троице.

ния, которые сформулированы Церковью на семи Вселенских соборах [Карташев 2017]. Собственно, этими принципами, а не частными или групповыми мнениями, определяется вера человека. Догматическое богословие отличается от самого установления догмата тем, что оно систематизирует однажды открытую в догмате его разумную необходимость [Лосев 2008: 151].

Понимание догмата как «ступени восхождения», «могучего орудия творческого перерождения мира, творческого его развития», «лестницы к небу и Богу» представлено в философии Н. А. Бердяева. Он полагал, что религиозные догматы содержат в себе знания метафизического характера и касаются первооснов бытия [Бердяев 1994: 90].

Против понимания религиозного догмата как навязчивой идеи выступал Э. Фромм, считая, что «догмат в значительной степени обусловлен реальными политическими и социальными мотивами», поскольку «означает открытую принадлежность к определенной группе» [Фромм 1998: 86]. Религиозный догмат может изменять самый ум того, кто его исповедует: такие люди отличаются от тех, что формировались на основе иной догматической концепции [Лосский 2010: 22]. Неудивительно, что люди, принадлежащие к различным культурам, нациям, идеологиям и религиям, зачастую не способны понять друг друга, поскольку, например, их политические ценности, политические же представления, восприятие власти [Шестопал и др. 2019], как и в целом организация мышления, обусловлены различными системами догматов.

Догматы выражаются в форме понятий, закрепляют объект верований в рациональной форме в качестве категорий, по своей гносеологической природе представляют собой результат внерациональных форм познания, касаются области трансцендентного и выходят за границы человеческого мышления [Канаков 2016: 100]. Профессор С. С. Глаголев не без оснований считал, что догматы – это идеалы, к которым нужно стремиться, а не пугала, от которых нужно бежать. По его словам, бездогматизм есть бессодержательность и проповедь незнания, но человечество ищет знания, ищет истины [Глаголев 1905: 28]. Из чего можно заключить, что религиозные догмы отражают доктринальный уровень религии, особенности вероучения и закрепляют отдельные религиозные представления и идеи как абсолютные, предельные, сущностные, конечные, целеполагающие, наивысшие характеристики бытия [Канаков 2016: 99].

Здесь мы делаем акцент на том, что в догматах сформулирована предельная цель жизни человека – самоутверждение личности в вечном бытии. Они вводят его в структурированный и обязательный для всех верующих порядок взаимодействия с окружающим миром, который определяется не самим миром, а догматической формулой, содержащей обетование абсолютного Бога.

Как видим, догматические системы исповедания, повествуя только о Боге, в течение тысячелетий служат опорой менталитета, средоточием высших ценностей каждого человека, принимающего эти догматы. Само догматическое мышление как матрица или инвариантная структура объединяло *религиозные*, а впоследствии и *секулярные* группы людей, пользующихся средствами своих верований. Те и другие длительное время жили в локусе преобладающего догматического вероисповедания как в контексте сверхсознательной доминанты.

Догматическое мышление непреложно воспроизводилось в ментальных проявлениях обыденной и общественной жизни, во всех сферах знания, образования, права, науки, философии, культуры, экономической и политической деятельности. Понятия, установки, стереотипы, нормы мышления, традиции и ценности в результате этого процесса со временем стали неотъемлемой частью не только сознания, но и других – подсознательных, а также сверхсознательных – компонентов психики верующих и неверующих людей. Ментально-догматическая самобытность из поколения в поколение возобновляется и утверждается ее носителями – субъектами менталитета как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо объяснений и доказательств. Осознаем мы это или нет, но в России большинство ее граждан по-прежнему живет в пространстве православных догматов и ценностей, стандартов мышления и поведения [Ракитянский 2019: 41].

Таким образом, в масштабе геополитических образований общность базисных догматических установок обуславливает их единство. Так, например, с западно-христианской догматической установкой связано единство НАТО, ЕЭС и других геополитических структур в этом менталитете. Исламской догматической установкой определено единство исламского мира как такового, независимо от многочисленных противоречий, национальных и государственных границ. Политически оно представлено Исламской конференцией, Большой исламской восьмеркой (D-8) и другими структурами.

Применительно к монотеистическим менталитетам геополитическое единство не обязательно представлено реальным государством или территориями, о чем можно судить на примере иудаизма, который в течение тысячелетий, не имея независимого государства, сохранял свою устойчивость и самостоятельное политическое существование благодаря неизменной базисной религиозно-ментальной установке. И, наконец, также с догматической установкой связано геополитическое единство России и ряда союзных с ней государств [Можаровский 2002].

Догматический принцип

Весьма важным в политической психологии является вопрос поиска, выявления и определения как фундаментального основания менталитета, так и возможностей его научного изучения. И здесь *догматический принцип* А. Ф. Лосева не только открывает нам в качестве смыслового ядра менталитета любого этноса, народа и нации «утвержденность вечных истин бытия», но также становится важнейшим методологическим средством исследования глобальных ментальных систем.

Поколения людей различного социального и политического статуса – правители, элитные группы, обыватели – опирались и по сей день ориентируются на догматические смыслы жизни. «Догмат, – пишет А. Ф. Лосев, – есть система теоретического разума, выдвинутая тем или иным религиозным опытом и откровением веры. Он есть всегда рефлексия над религиозным опытом, а не просто непосредственное ведение. Догматика никогда не прекращалась и не прекратится в человечестве. Догмат же всегда есть научно-диалектическая система или принцип ее» [Лосев 2008: 147, 149–150, 152, 190]. Именно поэтому догмат формирует структуру сверхсознательного или надсознательного [Симонов 1994: 60–68], по сути внеприродного [Льюис 2006: 382] феномена, то есть массовой веры, которая и является фундаментом менталитета.

Догмат как истина, *a priori* принимаемая на веру политической, военной, духовной, культурной, хозяйственно-управленческой элитой, формирует смыслообразующие устремления, вектор мышления, воли и верований общностей людей, программирует особенности их жизни и деятельности, воззрения, намерения, чувствования, мотивы и поступки.

В соответствии с догматическим принципом догмат как первичная система априорного знания об устройстве мироздания и смысле человеческого существования, являясь ядром менталитета, обуславливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, ее экономический уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов и их политических элит, государств, каждого отдельного человека.

Идеи А. Ф. Лосева развивал В. В. Можаровский в изучении религиозно-ментальных истоков политики. Он показал, что догмат представляет собой такие установки веры, которые утверждаются как всеобщие для всего исповедания, а также такие установки, которые не могут быть выведены с помощью мышления, иначе догмат оказался бы излишним и мог бы быть заменен положениями наличной логики. Первая часть определения показывает отличие догматических установок веры внутри монотеизма, вторая его часть показывает несводимость базисной установки догматической веры к естественному языческому типу мышления.

Догматический базис каждого монотеистического менталитета из поколения в поколение утверждается их носителями – субъектами менталитета – как нечто само собой разумеющееся, не требующее каких-либо объяснений, аргументов и доказательств [Можаровский 2002: 23–24, 42–43]. Вся история существования и развития, проблемы безопасности и выживания любого народа, элит, государств, их политическое устройство определяются выбором и безусловным утверждением тех или иных догматических столпов бытия.

Между тем устойчивые национальные и региональные традиции, охватывающие массы людей как ментальная практика повседневной жизни, по-своему догматичны, при том что они не обладают свойствами трансцендентальности [Ракитянский, Сунь 2016]. Традиции обязательно догматичны, – пишет В. А. Кутырев, – они получены через откровение и переживание от предков без всякого обоснования своей целесообразности. Они служат почвой коллективного или индивидуального бессознательного в чистой или сублимированной форме. Из традиций, которые являются органической частью живой культуры, и произрастают наши мысли [Кутырев 2001: 98].

В отличие от политеистических (идолопоклоннических, языческих) традиций и верований, монотеистическая, религиозно-догматическая вера есть осуществленность мировоззрения и специфическое, субстанциональное, принципиальное утверждение себя в вечности [Лосев 2008: 134]. По мнению У. Джеймса, вера при этом является необходимым фактором истины и сама себя подтверждает [Джеймс 1997: 66]. В монотеизме предмет веры выступает ценностью высшего порядка, и этот предмет находится вне природы и космоса, то есть он *трансцендентен*. В христианстве суть веры определил апостол Павел: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом... Верую познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое» [Евр. 11:1].

Монотеистическая вера имеет для масс людей соборный характер и выражена концептом догмата, следование которому предполагает безусловное соблюдение общих норм и правил, независимо от своего языка, расовой, национальной или этнической принадлежности. Догматы как выделенные богословием фундаментальные устои религиозной веры раскрывают те самые «невидимые вещи» как предметы для всеобщего и необходимого исповедания. Догматически определяемая структура веры раскрывает внутреннюю предметность и содержание менталитета. Именно к ней сводятся самые существенные различия, которые позволяют отделить один менталитет от другого [Ракитянский 2020: 117–118].

Религиозный аспект менталитета не сходен с национальным не только границами своего распространения, но и внутренней структурой. Например, ислам охватывает многочисленные этносы и народы на всех континентах. Все представители национальных менталитетов в лоне христианской цивилизации, *верующие* и *неверующие*, соотносят себя с догматами, традициями, нормами и правилами независимо от языка, культурных особенностей и расовой принадлежности.

Завершая наше исследование, отметим, что догматические основания менталитета формировались с момента возникновения у человечества самосознания. Догматы, догматическое мышление и менталитет любого политического субъекта неотделимы от религии, духовной культуры и культуры в целом, в пространстве которой он развивался, притом что в нынешнюю эпоху секуляризма важность самой религии может стоять далеко не на первом месте в иерархии жизненных предпочтений и ценностей современных людей. При снижении уровня религиозности, даже при ее утрате, мышление людей остается неизменно догматичным.

Политические догмы, существующие в современном глобальном контексте, имеют под собой многовековые исторические, культурно-цивилизационные, философские, религиозные и психологические основания. Они детерминируют политическую деятельность, а также гносеологические установки, принципы, нормы, средства и приемы политологической практики. При этом политологическое сообщество современной России демонстрирует в целом безразличное отношение к этой теме. Понятия догматического мышления, политической догмы не представлены в научной и учебной литературе, не включены в концептуальный состав и категориальный строй как политических, так и других социально-гуманитарных наук.

Предварительные итоги

Чтобы обобщить сказанное, представляется возможным сделать ряд довольно простых, но важных теоретических и методологических выводов.

Догматический принцип, кроме своего непосредственного значения, имеет более широкий, собственно методологический смысл – он предполагает возможность изучения закономерностей, механизмов и проявлений догматического мышления.

Догматическое мышление – неотъемлемая функция человеческого сознания как и восприятие, представление, переживание, познание, прогнозирование, целеполагание, память.

Догматическое мышление непреложно подчиняется объективным законам субъективного мира.

Догмы обладают интегративным свойством, являются фактором социализации и ментализации, формируют у правящих элит парадигмы политического

мышления, устойчивые модели мира и стереотипные представления в сознании политических масс.

Преодоление догматической генерализации сознания и возможность перехода политических субъектов к инновационному, проектному мышлению осуществляется посредством рефлексии как надситуативного, метасистемного уровня организации деятельности.

Современная политика, как и прежде, осуществляется в контексте как тысячелетней религиозно-догматической, так и современной секулярно-догматической практики и является ее следствием и результатом.

В политико-психологических исследованиях глобальных политических миров методологический потенциал и эвристический ресурс концепта догмы/догмата позволяет осуществлять исследования глубинных основ как национальных менталитетов [Ракитянский 2010], так и менталитетов культурно-цивилизационных систем [Его же 2020].

Литература

Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс / В. М. Аллахвердов // Экспериментальная психология. Т. 1. СПб. : Изд-во ДНК, 2000.

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. М. : Наука, 2000.

Антанович Н. А. Политика и право: проблемы взаимодействия в современном обществе // Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность. Минск : Наука, 2006. С. 332–337.

Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003.

Баарс Б. Когнитивная теория сознания [Электронный ресурс]. 2020. URL: [file:///H:/-/%20ПРОЕКТ%20\[2020\]/2%20часть.%20ДОГМА%20/Баарс%20Б.%20КОГНИТИВНАЯ%20ТЕОРИЯ%20СОЗНАНИЯ.pdf](file:///H:/-/%20ПРОЕКТ%20[2020]/2%20часть.%20ДОГМА%20/Баарс%20Б.%20КОГНИТИВНАЯ%20ТЕОРИЯ%20СОЗНАНИЯ.pdf).

Бердяев Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев // Соч. М., 1994.

Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб. : Наука, 1992.

Герасимов Е. Н. Гносеологические корни и психофизиологические предпосылки возникновения догматизма: сб. ст. Киев : Екмо, 2008.

Глаголев С. С. Задачи русской богословской школы. Сергиев Посад, 1905.

Гребенникова Е. В. Субъектность личности: теоретические аспекты проблемы // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. № 6(134). С. 140–142.

Грей Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М. : Практикс, 2003.

Джеймс У. Психология [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003642927/viewer/.

Джеймс У. Воля к вере. М., 1997.

Задорожнюк И. Е. Гражданская религия в США: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2008.

Закон Божий, составленный по Священному писанию и изречениям Святых Отцов как практическое руководство в духовной жизни. М. : Сретенский монастырь, 1998.

Канаков Д. В. Определение понятия религиозной догмы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2016. № 4. С. 90–103.

Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2004.

Карташев А. В. Вселенские соборы. Ч. 1. М., 2017.

Кутырев В. А. Культура и технология: борьба миров. М., 2001.

Кутырев В. А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества). Смоленск, 2006.

Кырлежев А. И. Догматы христианские // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М., 2010. С. 680–681.

Леонтьев Д. А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. № 5(3). С. 120–140.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Академический проект, 2008.

Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Сергиев Посад, 2010.

Льюис К. С. Пока мы лиц не обрели. СПб. : Библиополис, 2006.

Михайлов А. М. Формирование и эволюция юридической догматики в романо-германской традиции (XII–XIX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

Можаровский В. В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб. : ОВИЗО, 2002.

Остапенко А. А. Христианский антиномизм как возможная методология психолого-педагогической науки // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 3(14). С. 10–122.

Петр (Люилье), архиеп., Лосский В. Н. Толкование на символ Веры. М. : Благовест, 2008.

Просвещение и Французская революция [Электронный ресурс]. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20903/episode_id/2253985/.

Пуйман С. А. Педагогика: основные положения курса. Минск : ТетраСистемс, 1999.

Ракитянский Н. М. Сарматизм – ментальная основа Республики Речи Посполитой // Информационные войны. 2010. № 3(15). С. 80–87.

Ракитянский Н. М. Иудейский менталитет. Политико-психологическое эссе // Вестник Моск. ун-та. 2013а. № 12(4). С. 55–81.

Ракитянский Н. М. Сверхсознание как фактор формирования политического менталитета // Полис. 2013б. № 6. С. 236–245.

Ракитянский Н. М. Ментальные исследования политических миров. Saarbrücken : Lap Lamert Academic Publishing, 2016.

Ракитянский Н. М. Опыт рассмотрения референций политической ментализации британских элит. Политико-психологическое эссе. Ч. 2 // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2019. № 3. С. 28–43.

Ракитянский Н. М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2020.

Ракитянский Н. М., Сунь Ц. Опыт концептуального моделирования китайского политического менталитета. Ч. 1 // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. 2016. № 2. С. 57–79.

Симонов П. В. О двух разновидностях неосознаваемого психического: под- и сверхсознании // Бессознательное: сб. ст. Т. I. Новочеркасск : Агентство Сагуна, 1994. С. 60–68.

Фромм Э. Догмат о Христе. М., 1998.

Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М. : Проспект, 2019. С. 91–94.

Шестопад Е. Б., Вагина В. В., Пасс П. С. Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами // Полития. 2019. № 4(95). С. 67–83.

Юнг К. Г. Психология и религия / К. Г. Юнг // Архетип и символ. М., 1991. С. 160–162.

Юрьев А. И. Психология бессознательного / А. И. Юрьев // Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала. СПб. : Logos, 2006. С. 22.

References

Allahverdov V. M. Soznaniye kak paradox [Consciousness is Like a Paradox] / V. M. Allahverdov // Eksperimental'naya psikhologika [Experimental Psychology]. Vol. 1. St. Petersburg : Publishing House of DNA, 2000.

Ananyev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya [Man as an Object of Knowledge]. Moscow : Nauka, 2000.

Antanovich N. A. Politika i pravo: problemy vzaimodeystviya v sovremennom obshchestve [Politics and Law: Problems of Interaction in Modern Society] // Noveyshaya istoriya (1991–2006 gg.): gosudarstvo, obshchestvo, lichnost' [Recent History (1991–2006): State, Society, Personality]. Minsk : Nauka, 2006. Pp. 332–337.

Aranovsky K. V. Konstitutsionnaya traditsiya v rossiyskoy srede [Constitutional Tradition in the Russian Environment]. St. Petersburg, 2003.

Baars B. Kognitivnaya teoriya soznaniya [Cognitive Theory of Consciousness]. 2020. URL: <file:///H:/-/%20PROJECT%20/2%20part.%20DOGMA%20/Baars%20B.%20Cognitive%20THEORY%20CONSCIOUSNESS.pdf>.

Berdyayev N. A. Filosofiya svobody [Philosophy of Freedom] / N. A. Berdyayev // Soch. [Op.]. Moscow, 1994.

Hegel G. V. F. Fenomenologiya dukha [Phenomenology of the Spirit]. St. Petersburg : Science, 1992.

Gerasimov E. N. Gnoseologicheskiye korni i psikhofiziologicheskiye predposylki vznikeniya dogmatizma: sb. statey [Epistemological Roots and Psychophysiological Prerequisites for the Emergence of Dogmatism: collected works]. Kiev : Ekmo, 2008.

Glagolev S. S. Zadachi russkoy bogoslovskoy shkoly [Tasks of the Russian Theological School]. Sergiyev Posad, 1905.

Grebennikova E. V. Sub'yektnost' lichnosti: teoreticheskiye aspekty problem [Subjectivity of Personality: Theoretical Aspects of the Problem] // Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2013. Vol. 6(134). Pp. 140–142.

Gray D. Pominki po Prosveshcheniyu: Politika i kul'tura na zakate sovremennosti [Enlightenment Wake: Politics and Culture at the Sunset of Modernity]. Moscow : Praxis, 2003.

James W. Psikhologiya [Psychology]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003642927/viewer/.

James W. Volya k vere [Will to Faith]. Moscow, 1997.

Zadorozhnyuk I. E. Grazhdanskaya religiya v SSHA: sotsial'no-filosofskiy analiz [US Civil Religion: A Socio-Philosophical Analysis]: Ph.D. dissertation abstract. Moscow, 2008.

Zakon Bozhiy, sostavlenyy po Svyashchennomu pisanuyu i izrecheniyam Svyatykh Ottsov kak prakticheskoye rukovodstvo v dukhovnoy zhizni [The Law of God, Compiled According to the Holy Scriptures and the Sayings of the Holy Fathers as a Practical Guide in Spiritual Life]. Moscow : Sretenskiy monastyr', 1998.

Kanakov D. V. Opredeleniye ponyatiya religioznoy dogmy [The Definition of Religious Dogma] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 7. Filosofiya [Philosophy]. 2016. No. 4. Pp. 90–103.

Karpov A. V. Psikhologiya refleksivnykh mekhanizmov deyatel'nosti [Psychology of Reflexive Mechanisms of Activity]. Moscow : Institute of Psychology RAS, 2004.

Kartashev A. V. Vselenskiye sobory [Ecumenical Councils]. Part 1. Moscow, 2017.

Kutyrev V. A. Kul'tura i tekhnologiya: bor'ba mirov [Culture and Technology: the Struggle of the Worlds]. Moscow, 2001.

Kutyrev V. A. Filosofskiy obraz nashego vremeni (bezzhiznennyye miry postchelovechestva) [The Philosophical Image of Our Time (Lifeless Worlds of Posthumanity)]. Smolensk, 2006.

Kirlezhhev A. I. Dogmaty khristianskiye [Christian Dogmas] // Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Philosophical Encyclopedia]: 4 vols. Moscow, 2010. Vol. 1. Pp. 680–681.

Leontiev D. A. Lichnost' v nepredskazuyemom mire [Personality in an Unpredictable World] // Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and the History of Psychology]. Vol. 5. No. 3. 2010. Pp. 120–140.

Losev A. F. Dialektika mifa [The Dialectic of Myth]. Moscow : Akademicheskii proyekt, 2008.

Losskiy V. N. Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi. Dogmaticheskoye bogosloviye [Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology]. Sergiyev Posad, 2010.

Lewis K. S. Poka my lits ne obreli [Until We Found Faces]. St. Petersburg : Bibliopolis, 2006.

Mikhailov A. M. Formirovaniye i evolyutsiya yuridicheskoy dogmatiki v romano-germanskoy traditsii (XII–XIX vv.) [The Formation and Evolution of Legal Dogma in the Roman-Germanic Tradition (12th – 19th Centuries)]: Legal Sciences candidate dissertation abstract. Moscow, 2012.

Mozharovsky V. V. Kritika dogmaticheskogo myshleniya i analiz religiozno-mental'nykh osnovaniy politiki [Criticism of Dogmatic Thinking and Analysis of the Religious-Mental Foundations of Politics]. St. Petersburg : OVISO, 2002.

Ostapenko A. A. Khristianskiy antinomizm kak vozmozhnaya metodologiya psikhologo-pedagogicheskoy nauki [Christian Antinomism as a Possible Methodology of Psychological and Pedagogical Science] // Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psikhologiya. 2009. Vol. 3(14). Pp. 10–122.

Petr (Liuille), archbishop, Lossky V. N. Tolkovaniye na Simvol very [Interpretation of the Symbol of Faith]. Moscow : Blagovest, 2008.

Prosveshcheniye i Frantsuzskaya revolyutsiya [Enlightenment and the French Revolution]. URL: // https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20903/episode_id/2253985/.

Puyman S. A. Pedagogika: osnovnyye polozheniya kursa [Pedagogy: the Main Provisions of the Course]. Minsk : TetraSystems, 1999.

Rakityansky N.M. Sarmatism – mental'naya osnova Respubliki Rechi Pospolitoj [Sarmatism – the Mental Foundation of the Republic of the Commonwealth] // Informatsionnyye voyny. 2010. No. 3(15). Pp. 80–87.

Rakityansky N. M. Iudeyskiy mentalitet. Politiko-psikhologicheskoye esse [Jewish Mentality. Political and Psychological Essay] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 12. 2013a. No. 4. Pp. 55–81.

Rakityansky N. M. Sverkhsoznaniye kak faktor formirovaniya politicheskogo mentaliteta [Superconsciousness as a Factor on the Formation of Political Mentality] // Polis. 2013b. No. 6. Pp. 236–245.

Rakityansky N. M. Mental'nyye issledovaniya politicheskikh mirov [Mental Research of Political Worlds]. Saarbrücken : Lap Lamert Academic Publishing, 2016.

Rakityansky N. M. Opyt rassmotreniya referentsiy politicheskoy mentalizatsii britanskikh elit. Politiko-psikhologicheskoye esse [The Experience of Considering the References of Political Mentalization of British Elites. Political and Psychological Essay]. Part 2 // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 12. Politicheskiye nauki [Political Sciences]. Moscow : MSU Publishing House, 2019. No. 3. Pp. 28–43.

Rakityansky N. M. Mental'nyye issledovaniya politicheskikh mirov [Mental Studies of Global Political Worlds]. Moscow : MSU Publishing House, 2020.

Rakityansky N. M., Sun C. Opyt kontseptual'nogo modelirovaniya kitayskogo politicheskogo mentaliteta [Experience of Conceptual Modeling of the Chinese Political Mentality]. Part 1 // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 12. 2016. No. 2. Pp. 57–79.

Simonov P. V. O dvukh raznovidnostyakh neosoznavayemogo psikhicheskogo: pod- i sverkhsoznanii [On Two Varieties of the Unconscious Mental: Sub- and Super-Consciousness] // Bessoznatel'noye: sb. statey [Unconscious: collected works]. Vol. I. Novocherkassk : Saguna Agency, 1994. Pp. 60–68.

Fromm E. Dogmat o Khriste [Dogma of Christ]. Moscow, 1998.

Chumakov A. N. Global'nyy mir: stolknoveniye interesov [Global World: Clash of Interests]. Moscow : Prospect, 2019. Pp. 91–94.

Shestopal E. B., Vagina V. V., Pass P. S. Novyye tendentsii v vospriyatii vlasti rossiyskimi grazhdanami [New Trends in the Perception of Power by Russian Citizens] // Politiya. 2019. No. 4(95). Pp. 67–83.

Jung K. G. Psikhologiya i religiya [Psychology and Religion] / K. G. Jung // Arkhetip i simvol [Archetype and Symbol]. Moscow, 1991. Pp. 160–162.

Yuriev A. I. Psikhologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the Unconscious] / A. I. Yuriev // Strategicheskaya psikhologiya globalizatsii: Psikhologiya chelovecheskogo kapitala [Strategic Psychology of Globalization: Psychology of Human Capital]. St. Petersburg : Logos, 2006. P. 22.